

БОРИС КРИГЕР

**ЭКОНОМИКА
БЕЗ ДЕНЕГ**

БОРИС КРИГЕР

ЭКОНОМИКА
БЕЗ ДЕНЕГ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Экономика без денег

Эта книга исследует возможность альтернативной системы распределения ресурсов, не основанной на деньгах, а организованной по принципам обмена веществ, экосистем и кибернетической координации. Предлагается модель, в которой ресурсы распределяются с помощью искусственного интеллекта, ориентируясь на реальные потребности, контекст, устойчивость и обратную связь. Показано, что денежная система, некогда сыгравшая важную роль в развитии цивилизации, в современных условиях автоматизации и взаимозависимости порождает искажения, неравенство и неэффективность. Альтернативная логика обмена позволяет освободить человеческую деятельность от принуждения, сместив мотивацию от выживания к творчеству, сотрудничеству и заботе.

ЭКОНОМИКА БЕЗ ДЕНЕГ

На протяжении нудных тысячелетий денежная система служила фундаментом для организации сотрудничества между людьми, позволяя преодолевать барьеры недоверия, географической разобщённости и различий в интересах. Она возникла как универсальный механизм абстрагирования ценности, заменив прямой обмен и открыв путь к сложным хозяйственным структурам. Постепенно превращаясь из материального объекта в чистый символ — от ракушек и металлических монет до цифровых кодов, — деньги стали выполнять роль невидимой оси, вокруг которой вращаются общественные и экономические процессы. Однако по мере того, как технологическая среда усложняется, а интеллектуальные машины проникают в большинство сфер жизни, эта некогда революционная система всё явственнее демонстрирует внутреннюю ограниченность.

Удерживая человечество в логике дефицита даже тогда, когда автоматизация и информационные технологии открывают доступ к изобилию, денежные отношения способствуют углублению неравенства, искажают мотивации и подталкивают к разрушению природных основ жизни. Их структура, нацеленная на накопление и обмен, плохо справляется с задачей справедливого распределения ресурсов в условиях, где ключевыми становятся устойчивость, адаптивность и экологическое равновесие. При этом сама логика денег, базирующаяся на недоверии и необходимости эквивалентного возмещения, всё более входит в противоречие с возможностями, которые предлагают новые формы распределения, опирающиеся на алгоритмы, данные и

непрерывную обратную связь.

Если взглянуть на биологические организмы, можно увидеть совершенно иной принцип координации. Ни одна часть тела не требует платы за свою функцию. Органы взаимодействуют посредством сигналов, приоритетов и систем саморегуляции, обеспечивая внутреннее равновесие без обращения к символическому посредничеству. Это метаболическое распределение ресурсов — не абстрактная утопия, а эмпирически подтверждённая модель устойчивой координации, проверенная миллионами лет эволюции. Именно эта модель может лечь в основу нового общественного устройства, где задачи согласования потребностей и возможностей возьмёт на себя не рынок, а интеллектуальная инфраструктура, способная к постоянному обучению и учёту множества факторов.

Речь идёт не об отмене денег как таковых — история подобных попыток показала их непрочность, — а о постепенном формировании параллельной системы, в которой традиционные формы экономического взаимодействия начнут терять значимость, вытесняемые более гибкими и эффективными способами регулирования. Подобно тому как нервная система организма не нуждается в денежном эквиваленте для координации деятельности клеток, общество, обладая искусственным интеллектом и развитыми средствами автоматизации, способно перейти к постденежному метаболизму, где ресурсы направляются туда, где они действительно необходимы, а не туда, где за них готовы заплатить.

Такое преобразование не ограничивается экономическим измерением. Оно затрагивает само

понимание ценности, изменяя вектор мотивации — от выживания к творческому участию, от отчуждённой транзакции к осмысленному соучастию в общем процессе. В этом контексте символическая абстракция уступает место живому отклику, а координация принимает форму согласованного движения, аналогичного биологической гармонии. Переход к такому порядку не предполагает резкого разрыва с прошлым, скорее он напоминает плавное развертывание новых слоёв смысла и возможностей — шаг в сторону более глубокой связи между человеческим разумом и логикой самой жизни.

Переходя от образа денежной системы к более детальному пониманию её сути, становится важным разграничить ключевые понятия, на которых строится дальнейшее рассуждение. Денежная система, в самом широком смысле, представляет собой не просто совокупность банкнот, монет или цифровых токенов. Это символическая инфраструктура, основанная на стандартизованных единицах обмена, предназначенная для оценки, хранения и перемещения ценностей. Она организует доступ к ресурсам через архитектуру стимулов, институтов и общественных ожиданий, тем самым формируя правила участия в экономической жизни. Её функционирование неразрывно связано с представлением о цене, долге и богатстве, которые становятся универсальными координатами любой деятельности.

Однако представление о постденежном обществе позволяет взглянуть на эту структуру как на промежуточное состояние. Здесь исчезает

доминирующая роль денег как обязательного посредника во всех формах взаимодействия. Удовлетворение потребностей перестаёт зависеть от индивидуальной покупательной способности и переходит в сферу интеллектуального обеспечения и логистического согласования, где доступ к благам определяется не рыночным спросом, а осмысленным распознаванием нужд и возможностей. Подобный порядок требует иной формы координации, способной учитывать динамику изменений в реальном времени и устраниТЬ разрыв между потреблением и обеспечением.

В этой связи возникает понятие кибернетического распределения — подхода, вдохновлённого идеями саморегуляции, обратной связи и распределённого управления. В отличие от централизованных плановых моделей и рыночных систем, опирающихся на ценовые сигналы, кибернетическая структура взаимодействует с данными через сенсоры, алгоритмы и автономные модули принятия решений. Распределение осуществляется не в результате внешнего контроля или торговой мотивации, а благодаря способности системы откликаться на изменения среды и актуальные запросы, создавая адаптивную сеть взаимосвязей, аналогичную работе живого организма.

Для такой системы искусственный интеллект выполняет роль обобщённого когнитивного агента. Здесь речь идёт не о единичных программах, а о совокупных интеллектуальных механизмах, способных распознавать сложные паттерны потребностей, прогнозировать потоки ресурсов и обеспечивать этически выверенное согласование интересов. В этом контексте ИИ превращается в своего рода операционную ткань

общества, не заменяя человека, но обеспечивая координацию на уровне, недостижимом в прежних формах управления.

Для того чтобы такой подход был осмысленным и прозрачным, требуется использовать семантическую ресурсную онтологию — структуру, в которой ресурсы определяются не по формальным признакам, а по функциональной роли, контекстуальному значению и взаимозаменяемости. Например, когда речь идёт об обеспечении тепла, важным становится не источник — обогреватель, солнце, одежда или телесное тепло — а способность данного ресурса выполнять конкретную задачу в конкретной ситуации. Подобная онтология позволяет избегать формализма и переоценки, сосредотачиваясь на сути, а не на ярлыке.

На этом фоне метафора гомеостаза приобретает особое значение. Как в биологической системе внутреннее равновесие поддерживается не жесткой стабильностью, а постоянной реакцией на отклонения, так и в модели распределения речь идёт не о заранее установленных нормах, а об адаптивной настройке под изменяющиеся условия. Это не механическая равномерность, а динамический отклик, позволяющий системе оставаться жизнеспособной при любой турбулентности.

Такой подход открывает путь к постмотивированной экономике, в которой участие человека обусловлено не страхом лишений или желанием материального поощрения, а внутренней потребностью в созидании, исследовании, солидарности и смысле. Когда базовые потребности перестают быть заложниками случайных колебаний рынка, высвобождается энергия для деятельности, движимой не принуждением, а интересом

и стремлением к вкладу. Здесь мотивация коренится в самом процессе, а не в награде за него.

Разделение между символической и функциональной ценностью становится в этой системе ключевым водоразделом. Если традиционная экономика придаёт значимость тому, что обозначено ценой, то в постденежной логике в центре внимания оказывается то, что действительно работает, помогает, меняет ситуацию. Значение перестаёт определяться биржевым курсом и возвращается к своей исходной природе — способности приносить пользу в конкретном контексте.

Так формируется параллельная система, способная сосуществовать с денежной инфраструктурой, не вступая с ней в прямую конфронтацию. Постепенно, по мере нарастания эффективности, этической обоснованности и технологической зрелости, она всё глубже проникает в реальность, беря на себя функции, ранее монопольно принадлежащие деньгам. Этот процесс не разрушает привычное — он мягко преобразует его, предлагая другой путь, не врываясь, а переплетаясь, и через это преображая суть социального взаимодействия.

Постепенно переходя от понятий к направлениям осмыслиения, становится очевидным, что сама постановка вопросов приобретает здесь особое значение. В попытке переосмыслить экономические механизмы в условиях автоматизации и изобилия, необходимо обратиться к корневым сомнениям относительно устойчивости самой денежной логики. Какие именно структурные ограничения встраивает денежная система в процессы удовлетворения человеческих потребностей,

особенно тогда, когда технологии уже способны обеспечить избыточное производство? Возникает ощущение, что вместо того чтобы ускорять доступ к необходимому, деньги начинают тормозить движение ресурсов, превращаясь из средства в препятствие.

На этом фоне неизбежно возникает вопрос: может ли искусственный интеллект, опираясь на непрерывный поток информации и способность к адаптивному анализу, действительно заменить рыночные механизмы ценообразования как способ согласования потребностей и возможностей? И если такая замена возможна, то насколько она жизнеспособна в масштабах децентрализованного и постоянно меняющегося мира? Ведь от скорости и точности реакции ИИ зависит не только функциональность новой системы, но и доверие к ней.

Но даже при высоком уровне технологической реализации не уходит на второй план этическое измерение. Какие формы управления и общественного участия могут гарантировать справедливость и открытость в подобных распределительных структурах? Здесь уместно говорить не просто о технической координации, но о праве каждого быть услышанным в процессе, где деньги больше не определяют голос.

С переходом от числовых метрик к смысловому пониманию потребностей возникает новая задача: каким образом может быть построена семантическая ресурсная онтология, позволяющая интеллектуальной системе распознавать не только количественные, но и контекстуальные аспекты человеческих нужд? Как научить машину различать не просто, сколько нужно, а что именно нужно — и почему?

Искать ответы лишь в инженерных решениях — значит упустить ту глубинную основу, которую уже давно продемонстрировала природа. Можно ли черпать вдохновение в биологических системах — таких как метаболизм, экосистемные взаимодействия или коопeração микробов, — чтобы понять, как выстраивать устойчивые и неиерархические модели распределения? В природе нет денег, но есть изобилие, устойчивость и баланс.

Когда материальное выживание перестаёт быть главной движущей силой, меняется и сама психология участия. Какие формы мотивации и осмысленности возникают у человека в ситуации, когда труд не является условием жизни? Что приходит на смену страху бедности, и как это влияет на самоощущение, повседневность и культуру?

Не оставаясь в плоскости теории, становится необходимым задать практический вектор: каким образом можно сегодня создавать экспериментальные сообщества, сети или учреждения, способные внедрять и проверять частичные или гибридные модели постденежной логистики? Где граница между исследованием и применением, между прототипом и реальностью?

Переходя к социальным последствиям, возникает новая плоскость анализа: как влияет отказ от товарного обращения в сфере базовых благ — таких как питание, жильё или медицина — на социальную сплочённость и психическое здоровье? Что происходит с обществом, в котором фундаментальные условия жизни перестают быть товаром?

При этом остаётся открытым вопрос о

масштабируемости. Может ли подобная инфраструктура развернуться до уровня планетарного охвата, не разрушив при этом культурного многообразия, локальной автономии и экологического равновесия? Где проходит грань между унификацией и универсальностью?

И, наконец, стоит задуматься о происхождении самой денежной логики: является ли доминирование денег следствием культурных обстоятельств, или оно связано с когнитивными, а возможно и эволюционными особенностями восприятия ценности и обмена? И если это результат исторического пути, то может ли существовать другой путь, не менее укоренённый, но более устойчивый и человечный?

Рассматривая долгую и извилистую эволюцию экономических форм, нельзя не заметить, что идея мира без денег отнюдь не принадлежит к числу наивных мечтаний или поверхностных утопий. Задолго до появления металлических монет, кредитных инструментов и цифровых токенов, человеческие общества существовали в рамках других принципов координации — опираясь на родственные связи, обычаи, взаимные обязательства и ритуальные формы перераспределения. Деньги, возникшие как средство упрощения и расширения обмена, стали революционным символом, позволившим наладить взаимодействие между незнакомцами, сохранить устойчивость масштабных структур и преодолеть ограничения памяти и личного доверия. Однако, как и всякий инструмент, деньги всегда оставались продуктом своего времени — и в современных условиях границы их применимости

начинают всё отчётливее проявляться.

Если углубиться в ранние формы хозяйственной деятельности, становится ясно, что миф о господстве бартера до появления валюты не выдерживает антропологической критики. В большинстве архаических обществ обмен осуществлялся не на основе сиюминутной выгоды, а в контексте долговременных отношений, пронизанных взаимностью и обязательством. Подарок и ответный дар не были эквивалентными по стоимости — они закрепляли связи, а не замыкали сделки. Переход к символическому обмену стал необходимым лишь тогда, когда масштабы взаимодействия превысили возможности индивидуальной памяти, и общество потребовало средства, способного к абстрактному и универсальному представлению ценности. С этого момента деньги начали выполнять роль переносимой доверенности, открывая путь к урбанизации, торговым сетям и государственным структурам.

Однако параллельно с денежной логикой на протяжении веков существовали и иные формы организации, не опиравшиеся на куплю-продажу. Монашеские ордена строили быт на совместном труде, отказе от собственности и распределении благ в соответствии с потребностями и внутренним призванием. Кибуцы, особенно на раннем этапе своего развития, представляли собой сообщества, в которых не было внутренней валюты, а доступ к ресурсам определялся через участие и общую цель. Военное снабжение, особенно в условиях мобилизации, на практике демонстрировало возможность централизованного и алгоритмического распределения без ценовых сигналов. Индейские

практики, такие как потлач, подчеркивали не накопление, а щедрость — социальный статус определялся тем, сколько человек отдал, а не тем, сколько удержал. Эти примеры свидетельствуют о жизнеспособности нефинансовых форм согласования, хотя и указывают на их ограниченность в замкнутых или исключительных условиях.

С наступлением эпохи капитализма денежная система вышла за пределы рынка и превратилась в основополагающий принцип мышления. Монетизация охватила время, труд, землю, природные ресурсы, превратив их в стандартизованные величины. Деньги стали не просто средством, а конечной целью, а успех перестал зависеть от вклада или нужды — он определялся исключительно рыночным признанием. Эта трансформация привела к поразительным технологическим достижениям, но одновременно усилила социальную поляризацию, породила отчуждение и ускорила разрушение экосистем. Отношения между людьми и вещами изменились настолько, что сами люди начали восприниматься как средства, а объекты — как цели.

Попытки преодолеть денежную доминанту в XX веке обернулись неоднозначными результатами. Советская модель централизованного планирования, многочисленные коммунарные эксперименты, а также рационалистические теории технократического управления стремились заменить рынок новым порядком, но часто заканчивались стагнацией, авторитаризмом или утратой эффективности. Однако неудачи этих проектов не означают невозможности самой идеи постденежного согласования. Тогдашний

мир не располагал ни вычислительными мощностями, ни технологиями обработки данных, способными заменить цену как универсальный сигнал. То, что прежде было утопией, теперь постепенно становится областью инженерной и социальной разработки — не путём механического повторения революций, а через проектирование систем, способных к обучению, адаптации и тонкому балансу.

Современный цифровой поворот радикально меняет ландшафт. Технологии блокчейна, несмотря на их сопряжение с финансовыми спекуляциями, продемонстрировали техническую возможность децентрализованного согласования. Интеллектуальные системы уже сегодня принимают логистические решения с масштабом и скоростью, недоступными человеческому разуму. Виртуальные сообщества, такие как Wikipedia, операционные экосистемы с открытым исходным кодом или лицензии Creative Commons, показывают, что добровольное участие, лишённое денежного стимула, способно создавать устойчивые и качественные продукты глобального значения.

Всё это указывает на разворачивающуюся возможность нового экономического порядка — не основанного на обмене, а на согласованности; не на прибыли, а на участии; не на абстракциях, а на реакции. История, описывающая переход от родоплеменной взаимности к глобализированной валютной системе, не заканчивается ни ностальгическим возвращением, ни тотальным отказом. Она продолжается в поиске следующего шага — вопросе не о том, что придёт на смену деньгам в теории, а как может быть спроектирована система после денег на практике. В этом и заключается предмет настоящего

размышления.

Переход от денежного к постденежному обществу не может быть сведен лишь к техническому усовершенствованию механизмов распределения. В своём основании он затрагивает фундаментальные представления о природе человека, сущности свободы, критериях справедливости и самой логике общественных связей. Чтобы осмыслить глубину происходящего сдвига, необходимо разместить его в контексте истории философской мысли, в которой вопрос о ценности, труде и смысле человеческого действия рассматривался на протяжении веков.

Традиционная экономическая парадигма, унаследованная от рационализма эпохи Просвещения, описывает индивида как автономного агента, стремящегося максимизировать полезность через обмен. Однако такой взгляд сводит человеческое существование к расчету, исключая из него многомерность переживаний, стремлений и связей. Уже в работах Маркса прослеживается критика отчуждения труда, где деятельность человека превращается в средство, отделённое от личного смысла, творчества и принадлежности к сообществу. Ханна Арендт, развивая это направление, различала труд, работу и действие — выделяя действие как подлинно свободную форму человеческого проявления, не сводимую к необходимости. Устранение давления выживания открывает возможность для такого действия — речи, созидания, признания — не обусловленного экономическим принуждением.

Смена парадигмы затрагивает также этическую

плоскость. Денежная система закрепляет представление, согласно которому достоинство соизмеримо с доходом, а право на жизнь должно быть заслужено. Это — не просто функциональный механизм, но определённый моральный порядок, глубоко укоренённый, но не обязательно справедливый. Философы, такие как Джон Ролз и Амартья Сен, утверждали, что справедливость начинается не с заслуг, а с равного доступа к возможностям и условиям для развития способностей. Кибернетическая система, ориентированная на отклик на реальные нужды, переносит акцент с продуктивности на достоинство — предлагая новую форму этической организации, где техника становится средством заботы, а не власти.

Противопоставление абстракции и конкретности — ещё один слой критики денежной логики. Фридрих Ницше, а позднее Жан Бодрийяр, предупреждали об утрате смысловой глубины в мире, где всё оценивается через универсальный эквивалент. Деньги упрощают и стирают различия, превращая уникальное в обобщённое, заменяя живое взаимодействие сухой обменной формой. Однако отказ от абстракции невозможен — и не требуется. Задача будущей системы не в устраниении абстрактного мышления, а в его переопределении. Искусственный интеллект, онтологии и поток данных могут быть направлены не на подчинение, а на раскрытие — позволив технике фиксировать сложность, не нивелируя её.

В этой связи обретает актуальность различие между «иметь» и «быть», предложенное Эрихом Фроммом. Современная культура выстроена вокруг обладания — статус определяется собственностью, самоощущение

привязано к счёту в банке, зарплате, количеству активов. Деньги в этой логике усиливают режим накопления, подменяя существование владением. Фромм видел альтернативу в возвращении к опыту «быть» — где личность формируется через участие, присутствие и выражение. Постденежная система может содействовать такому сдвигу: от собственности — к отношению, от транзакции — к трансформации, от расчета — к сопереживанию.

Но за всеми этими сдвигами скрывается вопрос ещё более глубинный: какова подлинная роль интеллекта — не только в машине, но и в природе? В биологических системах разумность проявляется не в богатстве, а в способности к согласованному выживанию и процветанию в изменяющейся среде. Ум не как средство господства, а как способность к интеграции, адаптации, заботе. Следовательно, важным становится не то, чем заменить деньги, а то, как направить интеллект — человеческий и искусственный — на достижение коллективного равновесия и благополучия.

Если искусственный интеллект встроен в этически чувствительную архитектуру обратной связи, он может стать первым нечеловеческим агентом, способным помочь выйти за пределы тех абстракций, которые однажды освободили, но теперь сковывают. В этом смысле проект постденежного мира — это не просто новая экономическая модель, а переосмысление самой человеческой судьбы. Он требует укоренения в онтологической скромности, в этической ответственности и в стремлении к свободе, которая начинается там, где необходимость уже удовлетворена. Координация, освобождённая от символической власти,

обретает новое очарование — не в форме мистического возвышения, а как результат вдумчивого и заботливого проектирования, сообразного с самой тканью жизни.

Размышляя о возможности мира, где обмен и распределение ресурсов осуществляются вне рамок денежного обращения, полезно обратиться к самой природе, в которой подобные процессы реализованы с удивительной точностью и устойчивостью. Задолго до появления валют, контрактов и систем учёта, живые организмы и экосистемы уже сформировали формы взаимодействия, основанные не на символических соглашениях, а на функциях, отклике и взаимной адаптации. Эти механизмы не только лишены примитивности — напротив, они поражают глубиной согласованности, тонкостью настройки и непрерывной способностью к саморегуляции. Их изучение предоставляет не просто метафорическое обоснование, но и практическое вдохновение для проектирования постденежных человеческих систем.

Одним из самых наглядных примеров служит метаболизм — внутренняя система распределения в многоклеточных организмах, где триллионы клеток постоянно обмениваются веществами, не прибегая к расчётом или договорам. Кислород, глюкоза, гормоны, продукты распада — все эти потоки циркулируют в зависимости от текущих условий и потребностей тканей. Активность мышцы вызывает приток крови, рост уровня сахара инициирует выброс инсулина, избыток выводится без лишнего накопления. В основе лежит не идея выгоды, а принцип достаточности и целостной устойчивости. Эта внутренняя экология справедливости

функционирует без товарного эквивалента, сохраняя жизнеспособность благодаря обратной связи и приоритету актуального запроса.

Сдвигаясь к более распределённым формам жизни, можно наблюдать аналогичную логику в грибково-растительных симбиозах. В лесах, под слоем почвы, разворачивается невидимая, но мощная сеть микоризных связей, связывающая корни деревьев и грибов в так называемую «древесную сеть». Через неё передаются питательные вещества, сигналы стресса, регуляторы роста. Старые деревья могут снабжать молодые углеродом, а ослабленные особи получают фосфорную поддержку. Этот живой обмен не знает частной собственности, он организован как общее достояние, в котором участие определяется не правом, а включённостью. Координация осуществляется без центра, но и без хаоса — через согласованную взаимность, в которой благополучие одного элемента зависит от устойчивости всей системы.

На ещё более микроскопическом уровне бактерии демонстрируют способность к ресурсному обмену без валютных стимулов. В биоплёнках и симбиотических сообществах микроорганизмы передают друг другу ферменты, питательные соединения и сигнальные молекулы. Некоторые производят «общественные блага», доступные остальным без платы. Несмотря на наличие паразитирующих форм, природный отбор и пространственные ограничения способствуют формированию баланса, при котором сообщество сохраняет свою функциональность. Экономика микроорганизмов организована вокруг устойчивого сосуществования, а не накопления — поддерживается не

правилами обмена, а ритмами жизни.

Особую модель представляет собой разделение труда в социальных насекомых. Муравьи, пчёлы, терmitы строят сложные инфраструктуры, ухаживают за потомством, обеспечивают безопасность и даже культивируют грибы — и всё это без заработной платы или учёта производительности. Роли распределяются в зависимости от возраста, сигналов, феромональных воздействий и потребностей колонии. Индивиды подстраиваются под коллектив, не теряя при этом функциональной специфики. Их экономика — это не конкуренция, а совместный разум, где благополучие измеряется не личным успехом, а равновесием общего организма.

Даже в симбиотических взаимодействиях — между кораллом и водорослями, человеком и кишечной микрофлорой — ресурсы перемещаются не как результат обмена, а как проявление соответствия. Одна сторона обеспечивает среду, другая — энергию или функции пищеварения. Здесь нет рынка, нет внешней оценки — ценность возникает из взаимной пригодности, из того, насколько один способен поддержать другого, не в расчёте, а в действии.

Собирая все эти примеры, можно обозначить общий принцип: сложные системы жизнеобеспечения могут сохранять равновесие и адаптироваться без внешнего символического посредника. В биологии внутренний порядок достигается не благодаря внешним стимулам, а через сеть взаимосвязей, в которой каждый элемент чувствует, сообщает и откликается. В многоклеточном организме нет центрального казначея, но есть разветвлённая архитектура обратной связи: ткани

регулируют поступление кислорода, питательных веществ и гормонов на основе локальной информации. Кровоснабжение адаптируется к состоянию конечностей, уровни сахара корректируются автоматически, излишки удаляются. Процесс идёт непрерывно, без накопления, без задержек, без долгов — в режиме гомеостаза и функционального ответа.

Работоспособность такой модели опирается на четыре критически важных черты: способность каждого участка системы отслеживать собственное состояние и сообщать о нём; наличие общих сигналов и протоколов, обеспечивающих согласование на уровне всей структуры; приоритизация — немедленное реагирование на жизненно важные процессы без обсуждения; и динамическая настройка, при которой система непрерывно переоценивает происходящее, обновляя поведенческие шаблоны.

Если перенести этот принцип на социальную организацию, становится очевидным: деньги — это условная прослойка, изначально призванная компенсировать отсутствие коллективного восприятия и координации. Но с развитием сенсорных сетей, искусственного интеллекта, систем сбора данных и автоматизированной логистики появляются основания для построения общественного метаболизма — новой структуры, где ресурсы, услуги и возможности текут туда, где они действительно необходимы, а не туда, где их могут оплатить.

При этом распределение не навязывается сверху — оно вырастает из согласованного движения множества узлов, каждый из которых участвует в системе восприятия и отклика. Искусственный интеллект перестаёт быть

инструментом управления — он становится посредником между потребностью и возможностью. Потоки начинают зависеть от времени, контекста, сопряжённых способностей. Сама система обновляется, обучается, уточняется, как живой организм.

Природа доказывает: нефинансовые формы согласования возможны не только в принципе, но и в действии — каждую секунду, в каждом дыхании, в каждом импульсе. Вопрос уже не в том, можно ли построить такую систему, а в том, готово ли человечество осознанно применить этот опыт на уровне цивилизации.

На протяжении большей части человеческой истории мотивация рождалась из нехватки. Пища, тепло, здоровье, безопасность — всё это было ограничено и требовало постоянных усилий для поддержания. В условиях такой постоянной нестабильности труд не являлся выбором или актом самореализации, он был вынужденной реакцией на угрозу исчезновения. Денежные отношения закрепили эту реальность, превратив страх в повседневный регулятор поведения. Люди работали не ради смысла, а ради выживания, а сама структура общества строилась на этом страхе утраты и зависимости от ресурса, превращённого в товар.

Сегодня же нарастающий технологический потенциал обозначает качественный перелом. Автоматизация разрушает историческую связь между трудом и жизнеобеспечением. Машины выращивают урожай, собирают технику, управляют транспортом, обрабатывают данные и создают контент.

Искусственный интеллект проектирует алгоритмы, ставит диагнозы, обучает языкам и даже сочиняет стихи. Всё большее число человеческих потребностей удовлетворяется за счёт нематериального, нечеловеческого труда — и это постепенно подрывает старый экономический мотив, в котором труд оправдывался лишь необходимостью.

Это не означает, что человеческое усилие теряет значение. Но его логика начинает меняться. Когда обеспечение становится универсальным и безусловным — не предметом купли-продажи, а результатом встроенного в систему распределения — внутренняя мотивация перестаёт определяться страхом. На смену принуждению приходит влечение: к исследованию, к сопричастности, к выражению, к вкладу. Такое состояние можно обозначить как постмотивированное общество — не лишённое мотивации вообще, но освобождённое от её первичной формы, основанной на угрозе.

В условиях подобного общества образование перестаёт быть средством получения диплома или трудового места. Оно становится дорогой к смыслу, раскрытию, внутреннему росту. Деятельность приобретает характер игры, ремесла, заботы, а не обязаловки. Люди начинают делиться временем, знаниями и силами не ради денежной компенсации, а в поиске отклика, признания, ощущения значимости и участия. Социальную ценность теперь выражает не уровень заработка, а степень доверия, вес вклада, след в отношениях и процессах.

Такая трансформация несовместима с денежной логикой, поскольку сама природа денег поощряет не изобилие, а дефицит. Денежная система вознаграждает

за извлечение, не за щедрость; за конкуренцию, не за сотрудничество. Даже в нынешних условиях можно наблюдать рост альтернативных форм участия: проекты с открытым исходным кодом, волонтёрские инициативы, творческие лаборатории, образовательные платформы, основанные на обмене знаниями. Но пока они остаются на периферии — именно потому, что им недостаёт устойчивой инфраструктуры, освобождённой от требований денежного обмена.

В этом контексте снова появляется роль искусственного интеллекта, способного создать основание для новой формы распределения. Обрабатывая данные о наличии ресурсов, предпочтениях, излишках и текущих потребностях, интеллектуальные системы могут обеспечивать бесперебойный доступ к базовым благам — питанию, жилью, энергии, инструментам — без привязки к рыночной транзакции. Это не отменяет усилий, но снимает с них условность. Участие становится добровольным, направленным не извне, а изнутри.

Такой сдвиг не означает наступления утопии. Скорее, он представляет собой переходную стадию — этап зрелости, в котором цивилизация перестаёт быть заложником страха перед недостатком. Подобно тому как ребёнок, освобождённый от необходимости «заслуживать» любовь, начинает развиваться свободно, общество, освобождённое от принуждения к труду ради жизни, начинает творчески участвовать в общем бытии.

Постмоделированное общество — не общество бездействия. Оно наполнено активностью, но эта активность рождается не из тревоги. Она становится формой свободы, не как право, а как естественное

состояние, в котором смысл возникает не после работы, а в самой её сущности.

Веками денежная система рассматривалась как краеугольный камень общественной координации. Абстрагируя ценность, она позволила упростить обмен, расширить масштабы сотрудничества и создать формы взаимодействия, не требующие личного доверия. Именно благодаря деньгам стали возможны торговые империи, финансовые институты и глобальные рынки. Однако по мере усложнения социальных связей, углубления взаимозависимости и повсеместного проникновения технологий, эти же достоинства начинают оборачиваться ограничениями. То, что некогда служило ускорителем, становится тормозом; то, что казалось воплощением справедливости, всё чаще укрепляет неравенство; то, что заменяло доверие, постепенно подрывает его.

Проблемы денежной системы носят не случайный характер — они встроены в саму её структуру. Одним из самых заметных искажений является рассогласование между потребностью и доступом. Деньги следуют за платежеспособностью, а не за жизненной необходимостью. Один человек может владеть десятком домов, в то время как другой — не иметь крыши над головой. Обилие воды не означает её доступности, а важность образования не гарантирует его финансирования. Рыночный сигнал основывается на спросе, который выражает не значимость, а богатство. В результате деньги распределяются по принципу коммерческой привлекательности, игнорируя базовые человеческие нужды.

Отсюда возникает ещё одна характерная черта — искусственное поощрение дефицита. В денежной логике редкость увеличивает стоимость, что приводит к парадоксальному поведению: продовольствие уничтожается при избытке, жильё простаивает в то время, как растёт число бездомных, а знания и культурные произведения блокируются правами собственности. Абсолютное изобилие воспринимается не как достижение, а как сбой системы. Это побуждает к ограничению доступа, а не к его расширению.

Ещё более тревожным становится эффект накопления. Финансовые ресурсы, как и любые формы капитала, стремятся концентрироваться. Владение деньгами создаёт возможность получать ещё больше — через инвестиции, арендные потоки, проценты и дивиденды. А их отсутствие закрепляет зависимость и ограничивает мобильность. Это формирует положительную обратную связь, аналогичную эффекту биологического усиления: по мере роста различий система начинает самоподдерживать и углублять неравенство. Материальная дифференциация перерастает в институциональное, а затем — в политическое доминирование.

Рынок, в идеальных описаниях, предполагает внутреннюю компенсацию всех издержек. Но в реальности значительная часть экономической активности базируется на вынесении расходов за пределы участника. Загрязнение воздуха, вырубка лесов, эксплуатация труда и истощение ресурсов — всё это часто оказывается безнаказанным, потому что не отражается в цене. Краткосрочная выгода превалирует над долгосрочной устойчивостью, а денежный успех не

только допускает, но и вознаграждает разрушение общего блага.

Следующим слоем искажения становится подмена сути. Деньги превращают время в услугу, заботу — в контракт, образование — в сертификацию, творчество — в производственный контент. Смысл вытесняется функцией, намерение растворяется в транзакции. Акты, изначально основанные на участии, эмпатии или стремлении к пониманию, оформляются в категории «оплаты за услугу», тем самым лишаясь эмоциональной и этической глубины.

Особенно остро противоречие между денежной логикой и современной реальностью проявляется в условиях автоматизации и технического изобилия. Всё большее количество товаров и услуг может быть произведено с минимальным участием человека, однако доступ к ним блокируется не производственными ограничениями, а отсутствием у индивида денег. Труд становится менее необходим, но система, основанная на оплате за труд, не знает другого способа распределения. В результате парадокс: ресурсы есть, а доступа к ним нет.

Наконец, сама структура денежных систем остаётся уязвимой. Она тесно связана с политическими институтами, банковским контролем и корпоративными интересами. На неё влияют инфляционные и дефляционные процессы, спекуляции, алгоритмическая торговля и геополитические рычаги. Претендую на нейтральность, она легко становится инструментом власти, управления, манипуляции — и всё реже отражает интересы большинства.

Эти проявления не следует считать отклонениями. Они — закономерные следствия попыток управлять живыми,

динамичными системами при помощи одномерного символа. По мере того как мир становится всё более взаимосвязанным, денежная абстракция теряет способность отражать его подлинную сложность. Как когда-то биология превзошла бартер, сегодня цивилизация подходит к порогу, за которым деньги перестают быть универсальным решением.

Суть в том, что деньги — не зло. Они просто уже недостаточны. Проблема не в наличии валюты, а в устаревании самой логики символического обмена. То, что требуется в новых условиях, — это не очередная реформа финансовой системы, а радикально иная модель координации: такая, которая способна отразить многомерность жизни, её взаимозависимость, контекстуальность и изменчивость.

Переход к постденежной форме координации не требует разрушения существующего порядка, как не предполагает и возвращения к централизованному контролю, пережившему собственную непригодность. Задача иного уровня — не противопоставление, а сосуществование: построение параллельной системы, способной сначала дополнять, а затем — благодаря большей чувствительности, справедливости и эффективности — постепенно вытеснять устаревшую логистику обмена. Этот сдвиг возможен лишь при отказе от рыночной логики в пользу архитектуры, аналогичной биологической кибернетике: распределённой, адаптивной, основанной на обратной связи и способности к самонастройке.

В основе такой модели — система координации ресурсов, управляемая искусственным интеллектом,

ориентированная не на прибыль, а на благополучие, равенство и устойчивое взаимодействие с природной средой. Эта структура не имитирует рынок и не воссоздаёт министерство — она развивается как организм, способный чувствовать, принимать решения и обучаться в реальном времени.

Первым ключевым компонентом становится распределённое восприятие — сеть сбора и передачи данных, охватывающая все уровни: от отдельного человека до склада, поля, электростанции или медицинского пункта. Каждый узел сообщает о текущем состоянии: наличии ресурсов, потребностях, производственных возможностях, ограничениях окружающей среды. Эта сеть напоминает телесную проприоцепцию: каждая часть знает, где она находится, что чувствует и как взаимодействует с целым. Технологическая основа уже формируется — в виде датчиков, интерфейсов, устройств Интернета вещей. Но критически важным условием становится защита автономии: персональные данные должны оставаться под контролем тех, кто их генерирует.

Чтобы сделать информацию о ресурсах осмысленной, необходим общий язык, описывающий не просто названия, но функциональные связи. Семантическая онтология ресурсов позволяет ИИ понимать потребности не как заказы на конкретные товары, а как задачи, подлежащие решению множеством способов. Обогрев может быть обеспечен печью, телесным теплом, теплоизоляцией или солнечным светом — и система должна различать это не по каталогу, а по контексту.

Следующим уровнем становится механизм приоритезации. ИИ не просто собирает информацию —

он сопоставляет срочность, масштаб, последствия: кто нуждается, когда и почему; кто способен помочь и как это повлияет на остальные узлы. Распределение рассчитывается не через цену, а через параметры: необходимость, близость, устойчивость, эффективность, избыточность. Это не выбор по формуле, а согласование по множественным критериям, учитывающее сложность реального мира.

На основе этих решений запускается динамическое перераспределение: материалы отгружаются, маршруты корректируются, труд — добровольный или автоматизированный — распределяется, запасы обновляются. Система способна адаптироваться к непредсказуемому: изменить доставку при изменении погодных условий, перенаправить дроны в зону бедствия, приостановить процессы при угрозе истощения ресурсов. Эта гибкость превосходит любую централизованную плановую систему и любую торговую сеть.

Непрерывное обучение становится основой устойчивости. Каждое действие фиксируется, каждый результат оценивается: была ли доставка своевременной, достаточной, этически обоснованной? Имелись ли побочные эффекты? Система самообновляется, устраняя неэффективности, подстраиваясь под новые условия, реагируя на отклонения. В критических случаях включается человеческий надзор или этическая экспертиза.

Человек в этой архитектуре не исчезает. Наоборот, его роль приобретает новый смысл. Участие должно быть добровольным, понятным и прозрачным: подача запросов, предложение излишков, волонтёрская

помощь, обратная связь — всё это становится доступным через дружественные интерфейсы. Решения, принимаемые системой, не должны быть загадочными. Их нужно можно объяснить, оспорить, изменить — не чёрный ящик, а совместное управление.

Для сохранения культурного многообразия и локальной автономии система строится как модульная сеть: кварталы, районы, города, регионы — каждый узел управляет собственными циклами обратной связи, но способен координироваться с другими при необходимости. Это позволяет учитывать особенности местных условий, традиций, климата, а при угрозах — таких как эпидемии или стихийные бедствия — действовать синхронно на глобальном уровне.

И наконец, над всем этим выстраивается этическая структура: прозрачность, отказ от исключения, уважение к достоинству, приоритет устойчивости. Управление включает сменяемые наблюдательные советы, специалистов по этике ИИ, правовые механизмы, гарантирующие, что интеллект остаётся инструментом жизни, а не её диктатором.

Эта система — не абстрактная утопия. Её элементы уже существуют: в логистике, в энергетике, в медицинских приоритетах, в программном обеспечении с открытым исходным кодом. Чего пока не хватает — это целостной интеграции этих возможностей в новую логику, освобождённую от рыночных ограничений. Система, не имитирующая рынок, а превосходящая его.

Её запуск возможен не сразу и не везде. Она может начаться в отдельных кооперативах, экологических поселениях, зонах гуманитарного реагирования — там, где деньги уже не справляются. Постепенно масштаб

расширяется, система обучается, накапливает опыт.

Цель не в том, чтобы устранить деньги силой. Цель — сделать их необязательными, предложив структуру, более разумную, отзывчивую и человеческую.

Любая попытка переосмыслить денежную систему, особенно в направлении, предполагающем использование искусственного интеллекта и масштабной координации без символического обмена, неизбежно вызовет сопротивление и скепсис. Эти возражения не только закономерны, но и необходимы: именно в них проявляются глубокие напряжения между технологическим потенциалом и человеческими ценностями. Вместо отрицания такие опасения требуют внимательного рассмотрения — не как препятствия, а как ориентира, позволяющего точнее выстроить контуры возможного будущего.

Одним из самых острых вопросов становится проблема контроля: кто именно управляет ИИ, координирующим распределение ресурсов? Угроза создания авторитарной машины, принимающей решения в непрозрачном режиме, вызывает обоснованное беспокойство. Чтобы избежать этой ловушки, сама структура системы должна быть построена на прозрачности: алгоритмы, приоритеты, логика принятия решений подлежат открытой проверке, оспариванию и корректировке. Модель должна быть не централизованной, а модульной и множественной, включающей разнообразие голосов — от граждан и специалистов по этике до инженеров и представителей общественных структур. Подобно тому, как интернет возник не из приказа, а из сети протоколов, новая система должна разворачиваться как поле

совместного управления, а не вертикального контроля.

Следующее возражение касается свободы выбора. Будет ли человек определяться машиной, которая «решит», что ему нужно? Не потеряется ли индивидуальность? Напротив — именно устранение принуждения и делает возможным подлинную свободу. Когда доступ к жизненно необходимому обеспечивается безусловно, отпадает необходимость действовать по указке необходимости. Свобода перестаёт быть привилегией, превращаясь в пространство выбора: как жить, чем заниматься, в какую деятельность включаться. Личная инициатива не подавляется, а получает новую почву — освобождённую от давления рынка.

Один из наиболее устойчивых аргументов — предположение, что без материального вознаграждения исчезнет стимул к труду. Однако это представление опирается не на природу человека, а на исторически обусловленную психологию дефицита. Люди обучаются, создают, исследуют, заботятся — не из-за зарплаты, а из внутреннего интереса, страсти, сопричастности. В условиях гарантированного обеспечения начинает преобладать мотивация, не связанная с выживанием. Возникают и другие формы социального признания: доверие, репутация, символические знаки благодарности. Смысл смещается от денежного эквивалента к содержанию участия.

Ещё одно опасение — уязвимость системы к манипуляциям. Любая сложная структура подвержена попыткам эксплуатации. Но в отличие от денежной логики, которая поощряет накопление и извлечение выгоды, в постденежной архитектуре исчезает стимул к хищению: нельзя «нажиться» на системе, если доступ

определяется не через власть, а через контекстуальную необходимость. Тем не менее, защита остаётся необходимым элементом: архитектура безопасности, распознавание аномалий, механизм ручного вмешательства и постоянный аудит — всё это становится неотъемлемой частью устойчивости.

Некоторые критики сомневаются в осуществимости системы в масштабах всего общества, полагая, что её сложность сделает управление невозможным. Однако сама мировая финансовая система уже давно выходит за пределы человеческого понимания: валютные рынки, логистические цепочки, алгоритмическая торговля — всё это функционирует в значительной степени благодаря автоматизированным инструментам. Современные технологии — распределённые вычисления, машинное обучение, сенсорные сети — позволяют не просто имитировать рыночные функции, а выйти за их пределы, создавая системы, способные к согласованной динамике без ценовых сигналов.

Часто звучит и более философская критика: не является ли этот проект разновидностью технократического идеализма? Подобное опасение справедливо — любая система, опирающаяся на «ум», рискует впасть в высокомерие. Однако суть предложенной модели не в подмене человеческого суждения кодом, а в создании инфраструктуры, поддерживающей достоинство, а не подчинение. Человек остаётся в центре — как источник восприятия, как субъект смысла, как участник, а не объект.

Возникает и более прагматичный вопрос: возможно ли, что деньги исчезнут полностью? Вероятнее всего — нет. И в этом нет необходимости. Денежные формы могут

сохраниться для частных обменов, редких товаров, эстетических удовольствий. Но утратится их господствующая роль как посредника между жизнью и доступом. Цель — не отменить деньги указом, а лишить их монополии, создать пространство, где они перестают быть обязательным условием существования.

Как и любой живой организм, такая система должна развиваться постепенно, накапливая опыт, адаптируясь, исправляя ошибки. Её реализация требует не только инженерной точности, но и этической устойчивости. Опасность кроется не в самой мечте о постденежной разумности, а в заблуждении, что она может быть внедрена без участия, без рефлексии, без скромности. Только через совместное проектирование, постоянную проверку и включённость всех заинтересованных сторон может родиться система, способная стать не над обществом, а его продолжением.

Вопрос о том, была ли денежная система неизбежной — предопределена ли она устройством человеческого разума и социальных структур или же явилась результатом конкретного исторического выбора, — не допускает однозначного ответа. Однако сам характер этого вопроса проливает свет на двойственность положения денег в истории человечества: одновременно как продукта и как формирующего агента.

В пользу их неизбежности указывает целый ряд предпосылок, глубоко встроенных в человеческое поведение. Способность к абстрактному мышлению позволила проецировать ценность на символы: ракушки, металл, знаки. Возможность представлять будущее, откладывать потребление, помнить долг — всё это

сделало появление символического обмена практически неотвратимым при переходе от локальных сообществ к масштабным цивилизационным структурам. Деньги стали способом замены личной памяти общественной договорённостью, заменили репутацию — монетой, а доверие — контрактом.

По мере роста населения и развития торговли личная вовлечённость и взаимная осведомлённость перестали обеспечивать надёжность взаимодействий. Возникла необходимость в механизме, упрощающем принятие решений и координацию: деньги, в качестве универсального измерителя, сжали сложные переменные — нужду, усилие, доступность — в одну управляемую величину. До появления распределённых вычислений и интеллектуальных систем это было наиболее эффективное приближение к коллективному разуму.

Однако ни одна из этих причин не подтверждает, что именно такая денежная система, какая установилась в современном мире, была единственно возможной. И здесь начинают звучать аргументы в пользу исторической случайности. Многие общества успешно функционировали в условиях безденежных экономик: через обмен дарами, перераспределение в родовых группах, обязательства, основанные на статусе и ритуале. Их цели отличались — устойчивость, сплочённость, уважение — вместо прибыли или продуктивности.

Распространение денег в глобальном масштабе происходило не в силу универсальной необходимости, а через насилие и навязывание — колониализм, стандартизацию, разрушение локальных экономик. Их

господство было следствием победы определённых политических и военных сил, а не эволюционной неизбежности.

Развитие денежных форм было также обусловлено отсутствием технологий, позволяющих координировать деятельность иначе. Без мгновенной связи, без общей базы знаний, без автоматизированной логистики — замена доверия на обмен была самым доступным решением. Но в технологически ином контексте могли развиться совсем другие механизмы — контекстная доставка, распределённые сети участия, системы репутации.

И наконец, возможно, сама тяга к символическому управлению была частично реакцией на травматический опыт. Войны, голод, распад связей — всё это подталкивало к жёстким структурам: государству, праву, деньгам. Но альтернативный путь — через устойчивое сообщество, этическое распределение и вдохновлённое взаимодействие — не был изначально закрыт.

Таким образом, появление денег можно считать адаптивным шагом в рамках определённого исторического окна. Но это не был шаг, предначертанный самой природой человека. Это был один из возможных поворотов — оказавшийся доминирующим, но не единственно мыслимым.

Сама возможность проектировать альтернативы, рассматривать архитектуру распределения без символического посредничества, говорит о том, что история могла быть иной — и ещё может быть иной. Это и есть человеческий жест: не принимать как судьбу то, что было навязано обстоятельствами, а переходить к

тому, что задумано осознанно.

Если говорить о связи денег и человеческой природы, то она, безусловно, существует, но охватывает лишь определённые её аспекты. Деньги прорастают из способности к символизации, к планированию, к социальному согласию, к замещению памяти материальными маркерами. В этом смысле они естественны, как естественен язык, счёт или письменность. Они — продолжение нервной системы вовне, инструмент когнитивной экспансии.

Но они не охватывают всю полноту человеческой сущности. Деньги не содержат в себе эмпатию, игру, бескорыстие, художественное воображение, благоговение перед жизнью. Они — не зеркало целостного человека, а усилитель отдельных черт.

И как только они были введены, они начали формировать не только поведение, но и восприятие. Возникла количественная оценка всего: стоимость вытеснила ценность. Труд, внимание, земля и забота стали превращаться в товар. Взаимоотношения стали разменной монетой. Конкуренция превзошла сотрудничество.

Идентичность стала измеряться владением, а не присутствием. Мир разделился на выгодное и бесполезное, дешёвое и дорогое. Денежная логика внедрилась в язык, в суждение, в привычки.

Так возникла взаимная конструкция: человек избрёл деньги — и деньги сформировали человека. Подобно тому как часы изменили восприятие времени, а письмо — память, денежная система изменила внутреннюю структуру сознания. Она стала не просто средством, а

средой.

Но как и часы, и письмо, деньги — лишь этап. Их можно признать как фазу развития: необходимую, но не окончательную. Их эффективность в условиях информационного дефицита очевидна. Но в условиях реального времени, глобального чувства и интеллектуальных агентов возникает шанс выйти за их пределы — не через отвержение, а через созревание.

То, чему нас научили деньги — масштаб, абстракция, ответственность — можно сохранить. Но при этом освободиться от того, что они исказили: внутреннюю цель, близость, участие.

Мы создали деньги. Затем деньги стали создавать нас. Теперь настало время создать нечто более мудрое. Не возврат к природе, а переход к следующему уровню — там, где контроль уступает место созиданию.

Удивительно, насколько глубоко денежная логика проникла в ткань человеческой культуры, включая даже такие тексты, как Евангелие, в которых ожидалось бы полное отстранение от материального измерения. Притчи, призванные раскрывать духовные истины, часто оформлены через примеры, взятые из мира торговли, долгов, расчетов, процентов и прибыли. Господин, вверяющий таланты слугам; виноградарь, нанимающий работников с различной оплатой; немилосердный должник, прощённый хозяином, но сам не простивший ближнему — все эти образы строятся вокруг экономических отношений.

Такое постоянное присутствие финансовой метафорики не является случайным. Оно отражает ту реальность, в

которой существовали авторы и слушатели: общество с чётко выраженным долговыми структурами, системами арендной платы, налогов, процентов, труда за оплату. Деньги уже тогда не просто выполняли утилитарную функцию, но стали языком, через который объяснялись принципы справедливости, награды, прощения и ответственности. Притча становилась понятной именно потому, что её образный строй исходил из повседневного, узнаваемого.

Однако парадокс заключается в том, что, используя язык экономики, Евангелие зачастую подрывает саму её логику. Господин, который даёт всем рабочим одинаковую плату, независимо от времени их труда, нарушает принцип пропорциональной компенсации. Прощение долгов в ответ на мольбу отменяет справедливое взыскание. Вознаграждение за доверие, а не за результат, преображает представление о заслуге. Таким образом, сама форма притчи — денежная, но её содержание этически вывернуто наизнанку.

Это напряжение между языком расчёта и духом безвозмездности показывает, насколько глубоко символ денег уже тогда проник в мышление. Даже чтобы выразить идею милости, приходилось говорить через категории счёта. Подобная амбивалентность демонстрирует не только культурную укоренённость денег, но и возможность их преодоления изнутри — через переосмысление.

Трудно не заметить, что сама притча о талантах, часто интерпретируемая как призыв к эффективности и росту, на самом деле может быть прочитана иначе. Там, где один умножает, другой боится и зарывает монету в землю. И наказание падает не за неуспех, а за отказ

участвовать в процессе. Эта история — не о накоплении, а о доверии, об ответственности не за прибыль, а за ответ на дар.

Следовательно, евангельские притчи — не просто отражение денежной культуры. Они — разговор с ней, обращение к ней на её же языке, чтобы показать возможность другого горизонта: справедливости, основанной не на равенстве обмена, а на равенстве достоинства; щедрости, не вытекающей из избытка, а из сострадания.

В этом — и поразительное свидетельство власти символов, и намёк на то, что даже самые устойчивые категории мышления могут быть обернуты и переосмыслены.

Деньги, без сомнения, стали одним из величайших инструментов, созданных человечеством. Их появление преобразило структуру обмена, позволило доверять незнакомцам, прокладывать связи между эпохами и пространствами, организовывать сотрудничество там, где исчезала прямая взаимность. Этот символический посредник позволил перейти от локальных сообществ к городам, от самодостаточности — к глобальным цепочкам, от случайной торговли — к цивилизационным структурам. Однако то, что было орудием упрощения, стало веком усложнения — и в этом заключается главное противоречие: элегантность превратилась в обременение.

На фоне роста автоматизации, наступления изобилия в ряде секторов, углубления взаимозависимости и нарастания уязвимостей, денежная логика больше не

является нейтральной. Её ограничения не локальны и не случайны — они пронизывают системы, институты, повседневность. Они формируют и закрепляют отчуждение, дефицит, принуждение, несправедливость. И потому задача уже не в том, чтобы разрушить эту систему — а в том, чтобы выйти за её пределы. Не отказаться от инструмента, а перерести его.

Предложенное направление не тянется к министерствам и не стремится воскресить рынок в иной форме. Оно опирается на иные образы: метаболизм, в котором ресурсы движутся в ответ на потребность; экосистему, где согласованность возникает из множества локальных откликов; кибернетическую систему, способную учиться, реагировать, перенастраиваться. Архитектура, в которой распределение определяется не стоимостью, а функцией; не прибылью, а участием; не символами, а реальными условиями жизни.

Эта модель — не построение с нуля. Её компоненты уже существуют: в логистике, кооперативах, сенсорных сетях, медицинских системах, алгоритмах доставки, в распределённом программировании и даже в сообществах взаимопомощи. Их пока не связывает единая логика, но это означает не невозможность, а недозавершённость. Не хватает одного: философской решимости и инженерной собранности, чтобы превратить разрозненные элементы в целостную систему — ту, что может поддерживать достоинство, достаточность и устойчивое доверие.

Однако глубинная задача лежит ещё дальше. Переход к постденежной модели требует не только технических изменений, но пересмотра самой цели человеческого существования. Когда жизнь перестаёт быть функцией

труда, а значимость — эквивалентом цены, появляется возможность заново открыть свободу. Не как возможность выбирать между товарами, а как способность проявлять себя, заботиться, развиваться и соединяться с другими в общем становлении. В этом новом горизонте ценность не отменяется — она возвращается к себе. Разум не подменяет человека — он включается в живую ткань социальной согласованности. Обмен не исчезает — он перерождается в отклик, не основанный на подавлении и счёте.

Экономика, рождающаяся на этих основах, будет координироваться не невидимой рукой, а видимым, открытым, обучающимся интеллектом совместного проектирования. Деньги, как мощный протез, возможно, ещё долго будут сопровождать нас — но уже не как условие выживания, а как временный инструмент, который можно отложить, когда возникает нечто более органичное. Не потому что мы выше, а потому что стали способными чувствовать шире, мыслить глубже, быть внимательнее к жизни во всех её проявлениях.

Это не завершение экономики, а её перерождение: не как структуры контроля, а как согласованного, живого взаимодействия — точного, гибкого, справедливого. Начало координации без принуждения. Начало смысла, возвращённого в место, где раньше была только цена.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей, на которой основывается эта книга. Статья называется "*Beyond money: Designing an AI-based resource distribution system inspired by biological metabolism*" (*За пределами денег: Проектирование системы распределения ресурсов на основе Искусственного Интеллекта, вдохновлённой*

биологическим метаболизмом), опубликованной в *The Common Sense World*.

В этой статье рассматриваются перспективы перехода к постденежному обществу с помощью интеллектуальной координации и автоматизации. Я исследую, как биологические процессы, такие как метаболизм, могут вдохновить создание новых систем распределения ресурсов, не зависящих от традиционных денежных механизмов. Буду рад вашему вниманию к моей статье, в которой обсуждается эта тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kriger, B. (2025). *Beyond money: Designing an AI-based resource distribution system inspired by biological metabolism*. The Common Sense World.
- Arendt, H. (1958). *The Human Condition*. University of Chicago Press.
- Baudrillard, J. (1972). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Telos Press.
- Capra, F., & Luisi, P. L. (2014). *The Systems View of Life: A Unifying Vision*. Cambridge University Press.
- Daly, H., & Farley, J. (2004). *Ecological Economics: Principles and Applications*. Island Press.
- Fromm, E. (1976). *To Have or to Be?* Harper & Row.
- Graeber, D. (2011). *Debt: The First 5,000 Years*. Melville House.
- Hayek, F. A. (1945). *The Use of Knowledge in Society*. *American Economic Review*, 35(4), 519–530.
- Illich, I. (1973). *Tools for Conviviality*. Harper & Row.
- Kelly, K. (2016). *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. Viking Press.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-*

- Network-Theory*. Oxford University Press.
- Marx, K. (1867). *Capital: A Critique of Political Economy, Volume I*. Verlag von Otto Meissner.
- Ostrom, E. (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Harvard University Press.
[Introduces the “difference principle” and a moral framework for distribution based on fairness rather than merit.]
- Sen, A. (1999). *Development as Freedom*. Knopf.
- Strogatz, S. (2003). *Sync: The Emerging Science of Spontaneous Order*. Hyperion.
- Wiener, N. (1948). *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. MIT Press.